

Доктор філософських наук, професор, професор кафедри філософії
Національного юридического університету імені Ярослава Мудрого

Дзєбань Александр Петрович

Доктор юридических наук, професор, зав. каф. гражданского права № 2
Національного юридического університету імені Ярослава Мудрого

Яроцкий Виталий Леонидович

ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭВРИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблема эффективности регулятивного воздействия гражданского права на сферу частноправовых отношений постоянно находится в центре внимания цивилистов. Ее решение в значительной степени зависит от разнообразия методов, применяемых в ходе осуществления гражданско-правовых исследований. Значительное количество и достаточно высокое качество большинства современных цивилистических исследований ставит перед каждым юристом непростой вопрос не только избрания актуальной и малоизученной проблематики, но и выбора прочной юридико-методологической платформы и качественных гносеологических установок, на которых базируется исследование.

Юридическая методология играет важную роль в обеспечении всеобъемлющего изучения гражданско-правовой материи, ведь применение всей доступной палитры апробированных в юриспруденции методов обеспечивает наиболее качественное изучение каждого отдельного направления поставленной законодателем проблематики. Очевидно, что учет на законодательном уровне обоснованных гражданско-правовой наукой выводов и рекомендаций, в свою очередь, делает возможным дальнейшее совершенствование соответствующих сегментов отечественного механизма гражданско-правового регулирования. Ведь его регулятивное воздействие на личные неимущественные и имущественные отношения должно обеспечивать беспрепятственность осуществления субъективных прав правомочными лицами, принадлежность выполнения субъективных обязанностей обязанными

лицами, гармонизацию социальной среды в сфере их взаимодействия и укрепления взаимного доверия и сотрудничества между ними.

Характерное для цивилистических исследований глубокое проникновение в сущность явлений, подлежащих изучению, детерминирует планомерное осложнение познавательного процесса, требует усиления и разнообразия методологического потенциала на различных стадиях перманентного процесса познания. Поиск эффективных средств, приемов, способов познания явлений правовой действительности, входящих в предметную сферу цивилистики, вызывает необходимость постоянно совершенствовать направления и методику их использования, не забывая при этом о необходимости обеспечения объективности и плюрализма научно-правового творчества.

Гносеологический обзор последних доступных цивилистических исследований свидетельствует о том, что получение современными юристами наиболее важных результатов в значительной степени обусловлено правильным выбором методологически выверенных путей, которые облегчили поиск истины и позволили сформулировать обоснованные суждения, выводы и предложения. Вместе с тем, имеющийся арсенал гражданско-правовых исследований должен постоянно пополняться новыми теоретическими данными, отличающимися высокой степенью осмысления и корреляции с принятым цивилистическими постулатами и выверенными подходами общей (инструментальной) теории права.

Соблюдение этого условия, с учетом современного уровня развития цивилистики, должно восприниматься как конкретный деонтологический ориентир, что позволит в необходимых случаях выходить за пределы юридического позитивизма, который в течение длительного времени стереотипизировал основные направления цивилистического правопонимания и формировал тенденциозные исследовательские установки и методологический инструментарий, которые и сегодня во многом задают вектор и определяют динамику дальнейшего развития цивилистики.

Несмотря на это, методологический инструментарий познания правовых явлений в современных условиях постоянно совершенствуется, поддаваясь количественным и качественным трансформациям. В этом проявляется диалектическая закономерность взаимосвязи интенсификации и редукции проявлений тенденции к смягчению догматических подходов к пониманию сущности изучаемых гражданско-правовых феноменов.

Методология современной цивилистики опирается на разработанную еще в советские годы для всех юридических наук систему приемов и способов ведения научного познания. Именно тогда были проведены исследования понятия, предмета, состава, системы юридической науки вообще и науки гражданского права в частности, выделены её функции и подход к определению основных научных проблем.

Вместе с тем, результаты законотворческой и правоприменительной деятельности, исследование которых производится с помощью разработанной юридической наукой системы методов, в частноправовой сфере дополняются значительным массивом результатов правотворческой деятельности субъектов права (договоров, уставов, внутренних документов). Исследование права только лишь в его законодательной части для цивилистического исследования не позволяет составить достоверных представлений о процессах и закономерностях, происходящих в изучаемой области, и, как следствие, дать результат, удовлетворяющий насущные потребности законодателя, правоприменительной практики и субъектов правореализационной деятельности.

От применяемых исследовательских методов в их взаимодополняемости зависит качество получаемого научного результата, его достоверность и полезность для решения практических задач. Поэтому современная разработка и уточнение цивилистической методологии – важнейшая научная задача, решение которой позволяет давать качественно новые научные результаты в ходе познания.

Кроме того, без научной основы гражданско-правовое регулирование представляло бы собой бессистемное воздействие на общественные отношения,

формируемое под влиянием случайных, субъективных факторов и поэтому было бы способным привести к непредсказуемым последствиям. Несмотря на это, сама наука гражданского права, её предмет, методология, структура остается без достаточного специального научного осмысления. Специальные исследования методологии цивилистики на философском и общенаучном уровнях в постсоветское время практически не ведутся.

Как известно, любое научное исследование начинается с постановки научной проблемы, определения объекта и предмета исследования и подбора адекватного выбранному предмету набора исследовательских методов [1-3].

В теории права речь идет о так называемой «методологической раскрепощенности» – одновременном существовании множества подходов к постановке научной проблемы и избрании методологии научного познания. Идут споры об эвристических возможностях того или иного подхода, проводится их сравнительный анализ и критическое осмысление [4].

В цивилистике таких дискуссий практически не ведется. Существует общепризнанная (заимствованная из других юридических наук) система методов научного познания, которые классифицируются по различным основаниям на общенаучные и частнонаучные; эмпирические и теоретические; при этом алгоритм подбора адекватного метода познания практически не разработан. Остается не ясным, может ли быть единой система методов познания, вне зависимости от того, подлежит ли исследованию цивилистическая или какая-то иная научная проблема, не рассматривается вопрос выявления предмета этой науки и её цели. И это несмотря на то обстоятельство, что еще Г.Шершеневич ставил вопрос о необходимости осмысления причин разделения теоретической науки и практики, преодоления существующей между ними враждебности [5, с. 238-239].

В советской науке попытка постановки научной проблемы, связанной с определением предмета, методологии и цели науки гражданского права, осуществлена в работе С.Аскназия [6]. Он отмечал преобладание догматической цивилистики, задачей которой стояло описание действующего положительного права, его систематизация, указание пути применения и истолкования [6, с. 45].

Он указывал, что «обычно правовые дисциплины даже не ставили перед собой задач, выдвигаемых всякими научными исследованиями, – познать необходимые связи между явлениями.... Вопрос о причинной обусловленности действующих правовых институтов, о социальных и других условиях, их вызвавших, обычно мало занимал юридическую мысль» [6, с. 44]. Идеальным результатом развития такой науки, по словам ученого, является устранение всех внутренних противоречий науки.

Несмотря на прошедшие годы, кардинально ситуация с методологией цивилистического исследования не поменялась. По-прежнему основным предметом познания остается действующее позитивное право, а целью научного исследования является истолкование смысла правовых предписаний и выработка рекомендаций по их совершенствованию для выстраивания логически безупречной системы цивилистических понятий и категорий.

Ответ на вопрос о том, с помощью каких именно методов следует вести познавательную деятельность, напрямую зависит от ответа на вопрос, а что же цивилистическая наука должна изучать. В настоящее время вопрос о том, должна ли цивилистика изучать экономические отношения и социальные связи (и только те, или другие), где баланс между нормоведением и исследованием социальной практики, где грань между собственно-правовой и некой иной наукой, остается без научно обоснованного ответа.

В свое время О.Красавчиков отмечал, что «выводы и предложения науки имеют тем большую ценность, чем они адекватнее отражают необходимые связи, социальные закономерности явлений и процессов в жизни общества» [7, с. 118]. По сути, о том же писал и С.Аскназий, полагавший, что у права должна быть найдена объективная основа, формы правового регулирования должны объясняться «некоторыми объективными, лежащими вне правовой сферы явлениями», добавляя, что такими объективными факторами могут являться как содержание регулируемых отношений, так и те «задачи, которые применительно к этому отношению выдвигает государство» [6, с. 325-326].

Очевидно, что должен быть определен состав науки частного права, в котором бы гармонично сочетались различные стороны предмета познания, в

комплексном исследовании которых могла бы быть решена научная проблема, стоящая перед соответствующей наукой. Ключевой вопрос, который так или иначе возникает перед любым ученым, обращающимся к вопросу о предмете цивилистической науки, является вопрос о том, входят ли в него сами социальные связи, общественные отношения, если входят, то до какой степени и как они должны исследоваться, а если нет, то до какой степени можно исследовать текст (закона), чтобы это исследование не скатилось до уровня схоластики и «филологических изысканий».

Надо заметить, что это именно тот вопрос, по которому, как ни удивительно для цивилистической науки, существует практически полный консенсус. Трудно найти в современной юридической науке ученого, всерьез отрицающего необходимость обеспечивать связь с реальностью в собственных исследованиях.

Систематика цивилистической науки по уровням познания аналогична составу любой научной сферы. Юридическая наука вообще и науки гражданского права в частности, должны включать догматическую, социологическую и аксиологическую (философскую) части.

Для *догматической* части предметом исследования являются юридические тексты в области гражданского права. Юридические тексты, попадающие в предметную область науки гражданского права, неоднородны по своей природе и формальному выражению. В отличие от большинства отраслевых наук, изучающих публичное право, в состав юридических текстов в частноправовой науке включаются не только источники права, но и акты собственного правотворчества субъектов. Юридические тексты могут содержаться в нормативных правовых актах, правовых обычаях, договорах, уставах, регламентах и иных внутренних документах и др. Нормативные правовые акты являются источником гражданского права, содержат нормы права, исходящие от государства, и всегда закреплены в письменной форме. Правовые обычаи также являются источниками права, однако не исходят от государства, а формируются субъектами права путем систематического повторения, могут выражаться не только в форме письменного текста, но в

устной форме и в форме поведенческих актов. Регламенты и иные внутренние документы организации содержат формально-определенные правила поведения, не обладающие, однако, свойством общеобязательности, и могут быть зафиксированы только в письменной форме. Договоры не содержат норм права, могут выражаться как в письменной форме, так в устной форме, либо в форме поведенческих актов. Все эти юридические тексты требуют изучения, и на его основе построения непротиворечивого знания. Очевидна специфика текстов, попадающих в предметную область науки гражданского права, что, несомненно, требует разработки научно-обоснованной методики исследования цивилистических текстов.

В догматическую часть исследования включаются правила, содержащиеся в любых формах регулирования деятельности субъектов, независимо от источника, от которого такая форма исходит – государство, общество, субъекты правореализационной деятельности.

Основным методом этой части частноправовой науки является правовая герменевтика – метод научного исследования, предназначенный для выявления смысла юридического текста, исходя из его объективных (значение слов и их исторически обусловленные вариации) и субъективных (намерения автора) оснований, интерпретации и разъяснения содержания юридического текста (зафиксированного или незафиксированного в документе).

Можно выделить три основные задачи, решаемые с помощью правовой герменевтики: выявление смысла; разъяснение содержания; интерпретация исходя из задач, разрешаемых с помощью юридического текста.

Юридические тексты как предмет герменевтического анализа можно разделить на: письменные (тексты нормативных правовых актов, актов судебных органов, договоров, регламентов и иных внутренних документов организаций), устные (устные договоры, распоряжения, и описания поведенческих актов (правовые обычаи)), применение в отношении которых данного метода сопряжено со сложностями, связанными с выявлением текста, подвергаемого в дальнейшем исследованию.

Необходимость применения герменевтики возникает там, где «слово осознается как знак, использующийся для передачи сообщения, где встает проблема понимания таких знаков» [8, с. 16]. Разработку герменевтики как направления философии связывают с работами Ф.Шлейрмахера, описавшего искусство понимания, а не только истолкования текста, и назвавшего его герменевтикой. По Шлейрмахеру, научная герменевтика должна быть искусством понимания чужой речи и правильного сообщения другим мыслей интерпретатора о её содержании. Здесь прослеживается важный момент диалога между автором текста и интерпретатором, несмотря на «застывший» характер речи автора. Применительно к правовой герменевтике в этом проявляется одна из основных проблем интерпретации – наложение на понимание смысла изучаемого юридического текста правосознания и правовой культуры интерпретатора.

Основная цель герменевтического метода – понять автора и его труд лучше, чем он сам понимал себя и свое творение [9-11]. Это направление герменевтики называют «романтической герменевтикой». Именно такой подход получил распространение в правовой герменевтике – он позволяет толкователю выходить за пределы буквального понимания текста.

Развитие представлений о задачах толкования нормативных правовых актов (эта часть правовой герменевтики традиционно развивается больше других) привело к практически однозначному убеждению в том, что в правовой герменевтике основная задача – посредством толкования возможно более полно приспособить юридический текст к реалиям, с принципиальным сохранением основной его идеи – смысла. Но все же помня, что юридический документ существует не ради себя самого, а ради тех социальных связей, на которые он должен воздействовать, именно им он должен быть в первую очередь адекватен, а вовсе не представлению автора этого текста. В качестве иллюстрации сказанного вспомним Гражданский Кодекс Наполеона, действующий и сегодня, в очевидно иную историческую эпоху, отстоящую от времени создания этого документа более чем на два века. Это возможно благодаря правильной интерпретации, с использованием всего богатства

герменевтического инструментария. То же можно обнаружить в толкованиях норм ЦК Украины высшими судебными инстанциями, когда правовые позиции в отношении одного и того же текста с течением времени кардинально менялись.

Приемы романтической герменевтики распространяются на правовую герменевтику. Основными её идеями являются диалектика части и целого, предварительное понимание и герменевтический круг. Суть заключается в последовательном изучении текста – сначала как целого, состоящего из отдельных фрагментов – частей, а затем самого текста – как части, где целым является все социокультурное пространство, в котором данный текст создан. Герменевтика предлагает последовательный переход от одного уровня исследования к другому и обратно, с уточнением полученных выводов. На каждом таком возврате, как утверждает Г.Гадамер, происходит предварительное понимание текста, и «выход» из этого кругового хождения может быть только после полной дешифровки смысла текста [12, с. 72-91].

В приложении этих приемов к предмету догматической части цивилистической науки – юридическому тексту, содержащемуся в уставах, внутренних документах организаций, договорах и пр., это означает необходимость уяснения его структуры и связи каждого его фрагмента с общим массивом, и сопоставления всего текста с тем окружением, в котором он составлялся и на которое должен был воздействовать.

Для правового исследования характерно расширение круга юридических текстов, подлежащих анализу. К ним относятся не только нормативные правовые акты, составленные с широким применением научно-обоснованных приемов юридической техники, что существенно упрощает процедуру уяснения их смысла, но и юридические тексты, составленные без использования специальных приемов зачастую, лицами, не имеющими навыков ведения договорной и иной правовой работы, с соответствующим результатом. При составлении таких текстов в основном используется естественный, а не искусственный язык, со всеми связанными с этим обстоятельством проблемами интерпретации.

Герменевтический анализ является методом исследования, в ходе которого эмпирический материал собирается и фиксируется. От правильности фиксации материала в ходе наблюдения зависит правильность выявления его смысла с позиций герменевтики. Заметим, что основной творческий научный потенциал гражданско-правового исследования воплощается не при применении герменевтики, где происходит начальное осмысление текстов, полученных на первом этапе донаучного исследования (наблюдения, сбора эмпирического материала). Выводы, полученные в ходе приложения герменевтического анализа, в дальнейшем нуждаются в осмыслении с учетом выводов, полученных на других уровнях научного исследования (социологическом и аксиологическом).

В настоящее время, несмотря на достаточно разработанную теорию толкования нормативного правового акта в рамках теории права, и некоторого числа научных работ, посвященных способам толкования договоров, механизм выявления смысла иных текстов не описан. Вместе с тем, именно иные тексты попадают в сферу отраслевого юридического исследования наиболее часто. Так, отсутствует теория интерпретации положений уставов, внутренних документов организаций. В отношении правовых обычаев не разработана даже научно обоснованная методика их сбора.

На наше мнение, целесообразно взять за основу алгоритм проведения герменевтического правового изучения текстов, составляющих предмет догматической части частноправового исследования, предложенный С.Филипповой [13, с. 34-35]. Исследователь предлагает следующую последовательность исследовательских процедур.

1) Выявление юридического текста, подлежащего изучению и его фиксация. Для письменных документов этот этап исследования специально может и не фиксироваться, но для устных текстов и текстов, выражаемых в поведенческих актах, выявление текста требует специальной исследовательской работы;

2) Предварительное понимание юридического текста с использованием грамматического анализа: смысл юридического текста «схватывается» в первом приближении;

3) Сопоставление юридического текста с системой юридических текстов, в которые он включен;

4) Возвращение в предварительное понимание юридического текста с учетом выявленных связей с другими документами, причин создания данного юридического текста;

5) Изучение социокультурной ситуации создания документа. На этом этапе герменевтическое исследование связано с социологическим уровнем изучения ситуации. В отношении нормативного правового акта это делается путем изучения пакета законодательной инициативы, общественных обсуждений законопроектов (проектов иных нормативных правовых актов), сложившейся судебной и административной практики. Для иных юридических документов ситуация осложняется во многом закрытым характером информации о разработке юридического документа. Можно опираться на сообщения в СМИ, переписку сторон, не носящую правового характера, их сообщения о ситуации, предшествующей составлению юридического документа и пр., однако следует помнить о недостоверном характере таких сведений;

6) Корректировка понимания юридического текста с учетом выявленных закономерностей и связей. На данном этапе задача уяснения смысла юридического текста должна быть выполнена. Такой итог носит предположительный характер, по замечанию Г.Гадамера, «кто хочет понять текст, тот всегда делает предположение. Он предполагает смысл целого, который кажется ему первым смыслом в тексте. Так получается потому, что текст читают уже со значительным ожиданием определенного смысла» [14, с. 252];

7) Выявление задач, которые должны решаться с помощью анализируемого документа. Юридическая герменевтика направлена не только на понимание юридического текста, но и его интерпретацию исходя из тех

потребностей, которые с его помощью должны удовлетворяться на момент интерпретации. Жизнь, отношения, регламентированные юридическим текстом, подвижны, и не могут сохранять, в отличие от текста, застывшую форму. Через определенное время, после неизбежного изменения потребностей субъектов, зафиксированный текст оказывается неактуальным. Необходимость актуализации смысла текста, «подведение» его под существующие на момент интерпретации потребности приводит к необходимости телеологической интерпретации. В таком случае важно чувствовать грань между пониманием текста и произволом интерпретатора. Мерилом правильного понимания смысла текста является сохранение цели его создания и его применения. На этом этапе герменевтическое исследование пересекается с аксиологическим, в ходе которого выявляются цели создания и применения юридического текста. То есть, правильной интерпретацией текста является такая, в которой независимо от придания того или иного смысла словам или выражениям, использованным в тексте, основная идея текста, заложенная в него цель остаются неизменной;

8) Разъяснение смысла текста – заключительный этап герменевтического толкования, требующий фиксации полученных результатов в виде разъяснения.

Как можно заметить, догматическое исследование не может существовать изолировано, в него включаются выводы, получаемые при изучении социального взаимодействия субъектов (социологический уровень) и цели регуляции (аксиологический уровень). В изоляции от этих результатов исследования результат герменевтического исследования окажется недостоверным. В этом проявляется единство уровней научного познания, которые в совокупности составляют единую частноправовую науку.

Применение герменевтического анализа к исследованию гражданско-правовой реальности позволяет выявить системные проблемы в организации правовой работы отдельных субъектов гражданских правоотношений, дать предложения по её совершенствованию и наметить путь достижения поставленной задачи более эффективными приемами.

Эвристический потенциал этого метода для осуществления исследований в частноправовой науке состоит в получении сведений о смысле текста, заложенном в него автором, и о том, для чего этот текст может быть использован. В научном исследовании такой результат должен являться промежуточным, давать основание для размышления ученого о правовом явлении и служить поводом для выявления проблем в адекватности изложения фактических обстоятельств. Таким образом, герменевтический анализ можно отнести к методам сбора материала для последующего изучения с помощью других научных методов, а потому единственным методом научного исследования он не является.

В современных цивилистических исследованиях делаются попытки применения также и сравнительно-правового метода, однако возможность и, главное, продуктивность исследований с его помощью специальному научному исследованию не подвергалась. Однако следует отметить, что каждая гражданско-правовая система имеет свое национальное содержание, обусловленное особенностями социально-экономического и культурно-исторического развития соответствующей страны. Разница социокультурных условий действия национальных правовых систем, различия в обыденном правосознании (именно обыденное правосознание для сферы гражданского права имеет основополагающее значение в связи с максимально широким участием населения в правореализационной деятельности при значительно меньшей его вовлеченности в правоприменительную деятельность), правовой культуре, идеологии, исторических способов регуляции тех или иных сфер делает практически невозможной унификацию и даже гармонизацию различных правопорядков. Даже на примере корпоративного права Евросоюза можно наблюдать постепенный отказ от идеи унификации [15, с. 214-216], что же касается территориально и культурно еще более разобщенных государств – то возможности не только полной унификации, но и частичной рецепции отдельных институтов крайне сомнительны. Поэтому, если сравнительно-правовой метод и мог бы использоваться в цивилистических исследованиях, то только если речь идет о близких или сходных правопорядках. В связи с этим

возникает философский вопрос о выборе конкретного правопорядка, близкого к отечественному.

«Языковой барьер», о котором принято говорить применительно к сравнительно-правовому методу, проявляется не так буквально, как это можно было бы ожидать. Современная система отечественного юридического образования позволяет подавляющему большинству ученых сравнительно неплохо понимать иностранные языки, вкупе с имеющимися техническими возможностями перевода, в буквальном смысле, языковой барьер не стоит между учеными различных государств. Вместе с тем, в своем глубинном смысле, языковой барьер действительно существует, и безнадежно разделяет национальные юридические науки. Барьер этот состоит в разнице образов, стоящих за отдельными гражданско-правовыми понятиями, конструкциями. Не каждый образ в принципе имеет слово, ему соответствующее в каждом из языков. Простейший пример – за словами «договор» и «обязательство» в отечественной науке гражданского права стоят два разных образа, тогда как во многих зарубежных правовых системах договор – суть договорное обязательство, и само по себе обязательство как отдельный, стоящий за словом образ, не выделяется [16, с. 82-83].

В связи с этим С.Филиппова, ссылаясь на точку зрения видного современного бельгийского правоведа М. ван Хука отмечает, что языки не могут быть искусственно гармонизированы, это верно и для юридического языка, в связи с этим многие слова даже не пытаются переводить [13, с. 42].

Справедливости ради отметим, что существуют ситуации, когда сравнительно-правовой метод действительно полезен, его применение оправдано, и даже насущно необходимо. Например, так обстоит дело с научными разработками в области европейского права. Согласимся с оценкой А.Ширвиндта, полагающего, что именно сравнительное правоведение является «основным инструментом европеизации частного права», перед которым ставится цель «поиск общих принципов и структур как базы для формирования общеевропейской правовой системы» [17, с. 214]. Действительно, если стоит задача интеграции различных национальных правопорядков, унификации

права нескольких государств, то во всяком случае следует попытаться выяснить сходства и различия, чтобы можно было наметить пути работы по такой интеграции. Возможное применение этого метода обусловлено, в том числе, сходством экономического уклада, принадлежностью к единой традиции [17, с. 216]. Но даже и в этом случае существуют описанные выше преграды в виде разницы культур. Именно поэтому ученому, применяющему в своей научной деятельности рассматриваемый метод, приходится делать множество оговорок, например, указывать, что «объектом сравнения... выступают не понятия, институты или методы разных правовых порядков, а их реакции на определенные стимулы: как правовые системы реагируют на одни и те же казусы или... практические проблемы. Внимание исследователя... сосредоточено... на результатах, к которым приходят сравниваемые правовые порядки..., а не на том пути, который каждый из них проходит, прежде чем выдать искомый результат» [17, с. 217]. Такой метод именуют «функциональным», полагают, что он позволяет выйти из тупика, обусловленного разницей культур, однако как представляется, эта проблема, как и при любом использовании методов познания находится еще и в личности исследователя-интерпретатора. Именно он определяет, как он видит функции того или иного «родного» для него института, здесь он может пользоваться собственным правосознанием и правовой культурой, далее он строит гипотезу, что подобная проблема существует и в другой культуре и подыскивает те примеры, которые, как ему представляется, иллюстрируют решение той же задачи.

Для *социологической* части цивилистической науки предметом исследования является правовая деятельность – среда внедрения правового инструментария, человеческое взаимодействие, в котором используются предлагаемые правом возможности (правовые средства), а методы исследования соответствуют методам социологического исследования. Методами исследования являются наблюдение (внешнее и включенное), интервьюирование, опрос. Вспомогательное значение в социологической части цивилистического исследования может иметь и метод герменевтики, в тех случаях, когда проводится опосредованное наблюдение и исследователю нужно

проанализировать текстуальное выражение результата наблюдения, зафиксированное в письменном документе (протокол заседания совета директоров), или в иных случаях, когда следы правовой деятельности отражены в письменных документах (претензиях, актах, переписке). В этих случаях герменевтический метод применяется в том же порядке, как было описано выше.

Наблюдение – основной метод познания еще с Аристотеля и Демокрита, суть которого заключается в восприятии происходящего. Наблюдение как метод может сочетаться лишь с мысленным экспериментом и мысленным же моделированием. Основным недостатком наблюдения как метода познания является сильнейшая зависимость результата его использования от личности наблюдателя, поскольку единственным «измерительным прибором» оказывается сам наблюдатель, который осуществляет процесс наблюдения, будучи отягощенным собственным неявным знанием. Подобная зависимость от личности исследователя была показана ранее, при описании метода правовой герменевтики и его использования при исследовании юридического текста. По справедливому утверждению М.Полани: «будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на Вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка» [18, с. 23]. Кроме того, наблюдение и описание увиденного сами по себе не составляют никакой ценности. «Не поверхностные описания наблюдаемых явлений, а достоверное осмысление фактов, установление необходимых связей, определенных закономерностей в изучаемой области действительности» [19, с. 13] являются наукой. Вследствие этого, наблюдение и описание хотя и являются методами познания, но отнюдь не методами научного осмысления. Это обстоятельство отмечено, в частности, П.Копниным, указавшим, что собирание фактов «важнейшая составляющая часть научного исследования», но не она лежит в истоках этого исследования. Поиски фактов, по его мнению, не составляют самоцели, а являются лишь средством решения возникающих задач. Исследователь – «... с самого начала руководствуется какой-то целью...

Поскольку факт сам в себе никакой цели не содержит – вовсе не он является исходной клеточкой научного исследования» [20, с. 200].

Несмотря на то, что наблюдение не может являться основным методом исследования, все же без его проведения не может обойтись ни одно исследование, в том числе в цивилистике. Неверно проведенное наблюдение приводит к недостаткам сбора материала, который в дальнейшем подвергается осмыслению и оценке, а значит, к недостоверности полученных результатов научных исследований.

Наблюдение как метод юридического исследования предполагает сбор первичной и последующей информации об изучаемом объекте путем целенаправленного организованного непосредственного восприятия и прямого фиксирования наблюдаемых явлений и процессов.

Наблюдение можно вести непосредственно – присутствуя при проведении определенной ситуации, либо опосредованно – путем ознакомления с документами, составленными при проведении интересующего мероприятия (стенограммы, протоколы и пр.). Сама процедура ведения протокола различных юридически значимых действий представляет собой фиксацию непосредственного наблюдения, а исследование протокола – опосредованным наблюдением.

Для дальнейшего научного исследования оба метода представляют ценность. Различия состоят в том, что опосредованное наблюдение не позволяет изучать невербальную часть наблюдаемого события, оказывающую значительное влияние на саму процедуру и её результат. Наблюдение как метод имеет существенное значение и для правильного правоприменения. Полученные данные должны быть учтены при регулировании соответствующих отношений как с помощью нормативных правовых актов, так и актами саморегуляции.

В настоящее время через распространение использования возможности телекоммуникационных систем (например, для ведения переговоров) расширяются возможности непосредственного наблюдения – когда субъект может в режиме онлайн присутствовать при проведении наблюдаемого

правового явления. Вместе с тем, для правового исследования опосредованное наблюдение – через исследование зафиксированных результатов наблюдения других лиц – представляет основной вид наблюдения. Большая часть правовых ситуаций (заключение договоров, проведение переговоров по разногласиям, проведение общих собраний акционеров, заседаний советов директоров, урегулирование претензий в процессе переговоров и пр.) оценивается с помощью опосредованного наблюдения, в связи с чем, приходится прилагать специальные усилия для нивелирования влияния неточностей в фиксации наблюдаемого явления.

Если наблюдение производится опосредованно, то результаты наблюдения, с которыми знакомится исследователь, были зафиксированы непосредственно в момент наблюдаемой ситуации, при этом наблюдатель при исследовании знает будущие для наблюдаемого события последствия (например, содержание уже принятого к моменту изучения протокола судебного заседания или протокола общего собрания акционеров решения). В этом случае документ, фиксирующий результаты опосредованного наблюдения, подлежит исследованию с помощью герменевтики. В связи с этим, следует избегать подстановки следствия вместо причины, подгонки известных будущих обстоятельств в интерпретации наблюдаемого события. Для этого следует тщательно контролировать соблюдение всей технической части наблюдения.

При наблюдении данные о событии получены со стороны, что позволяет получить целостную картину наблюдаемой ситуации. В отличие от участника события, наблюдатель не имеет непосредственного интереса в исходе дела, поэтому готов слышать и видеть обстоятельства, исходящие от каждого из субъектов наблюдаемой ситуации. Если, например, сравнить судебные очерки, подготовленные стороной процесса и отчет о судебном заседании (обзор), подготовленный профессиональным журналистом, очевидна разница в изложении ситуации. Больше сообщений о судебных ошибках обнаруживается в описаниях судебных процессов со стороны их участников.

Полученные в процессе наблюдения данные зависят от установки наблюдателя. Несмотря на то, что наблюдение предназначено для сбора объективных данных о ситуации, наблюдатель имеет собственное правосознание, правовую культуру и представление о ситуации, в связи с этим, наблюдая её, он сравнивает наблюдаемое со своими представлениями, что искажает восприятие. Об этих особенностях мы писали выше, применительно к герменевтике. Их же можно будет обнаружить во всех остальных методах познания, используемых в научных исследованиях.

Ситуация очевидно усугубляется при опосредованном наблюдении, поскольку в этом случае между наблюдаемой ситуацией и результатом наблюдения стоят два наблюдателя – непосредственный (секретарь, ведущий протокол или стенограмму) и опосредованный – исследователь, который связан уже не только собственным правосознанием, но и интерпретацией непосредственного наблюдателя.

Наблюдатель оказывает влияние на объект наблюдения. Непосредственное наблюдение социальной ситуации (а большая часть ситуаций в социологической части юриспруденции предполагает наблюдение именно социальной ситуации) может приводить к включению наблюдателя в нее (например, к его мнению апеллируют стороны при возникновении спора). Само присутствие в социальной ситуации постороннего изменяет наблюдаемые отношения (на этом, в частности, построено проведение медиации – посредничества при разрешении споров, где медиатор, непосредственно не участвуя в споре, не имея права выносить решение по существу спора, не навязывая сторонам своего мнения, условий будущего договора и пр., вместе с тем положительно влияет на конфликт между сторонами, приводя к его разрешению или урегулированию). Для непосредственного наблюдения как метода правового исследования такое свойство наблюдения является его существенным дефектом. И в этом смысле опосредованное наблюдение оказывается предпочтительнее, освобождая опосредованного наблюдателя от влияния на протекание наблюдаемой ситуации.

Объект наблюдения влияет на наблюдателя. По общему правилу, наблюдатель должен быть вне ситуации наблюдения, оценивая её и выделяя существенные свойства, однако выделяют разновидность наблюдения – включенное наблюдение, при котором наблюдатель сам является участником наблюдаемой ситуации. В правовых исследованиях это проявляется в ссылках на «личные архивы автора» при описании конкретных правовых ситуаций. Правовая позиция наблюдателя, его выводы и заключения, обобщения, положенные в основу его дальнейших научных разработок, в таком случае деформируются под действием объекта наблюдения. Это вызывает определенные сомнения в достоверности данных, полученных в результате непосредственного включенного наблюдения, которые отражаются, например, в публикациях судей по материалам рассмотренных ими судебных дел, адвокатов, юрисконсультов и других лиц, осуществляющих правовую помощь одной из сторон конфликта, дающих правовое заключение по делу и др. В выключенном наблюдении (при котором наблюдатель не является участником наблюдаемой ситуации) подобное случается реже, но все же возможно.

Интервьюирование – метод сбора информации путем проведения беседы между интервьюером и респондентом. До начала интервьюирования исследователь составляет план и определяет основные вопросы, ответы на которые он хочет получить. В процессе проведения беседы вопросы могут уточняться, конкретизироваться. В процессе интервьюирования возможно выявление субъективной стороны правовой деятельности (мотивы, цели, и пр.)

Опрос – в отличие от интервьюирования, для проведения опроса разрабатывается стандартный опросный лист, проводится социологически обоснованная выборка респондентов, которым предлагается ответить на стандартный набор вопросов. В результате обобщения ответов можно сделать выводы о типичных ожиданиях, уровне правосознания и правовой культуры определенной группы. Опрос как метод исследования имеет огромное значение для исследований, имеющих целью налаживание договорной дисциплины, улучшения регуляции определенной сферы путем разработки регламентов и

иных внутренних документов, исходя из объективных данных и понимания существующих проблем.

Аксиологическая часть цивилистических исследований предполагает исследование наиболее общих начал и цели регулирования отношений. В любом явлении, исследуемом цивилистикой, есть два уровня цели – цель регуляции, поставленная субъектом правотворческой деятельности при формировании позитивного права и цель субъектов правовой деятельности, заставляющая их вступать в правовую связь. Понимание правовой догмы и правовой деятельности предполагает понимание цели того и другого. Специальных методов выявления и исследования цели и ценности в настоящее время не выработано.

Исследование трех пластов (уровней) цивилистики можно рассматривать как этап сбора материала. Собственно, о научной деятельности можно будет вести речь на этапе осмысления собранных данных, их интеграции. Естественно, разделенная на части юридическая наука только тогда является наукой, когда знание, полученное на всех трех её уровнях, будет объединено, интегрировано в некое целое.

Понимание этого обстоятельства заставило некоторых ученых высказаться относительно формирования интегрированного подхода к праву, однако без ответа на вопрос о методологических основаниях такового и его цели, польза от этого понимания и предоставляемые им возможности остаются неясными. По справедливому замечанию А.Матюхина, высказанному по этому поводу, «синтез разнопредметных знаний возможен не иначе как путем их распрямления и приведения к общему знаменателю единых методологических оснований. Всякий иной способ есть... эклектика» [21, с. 485].

В настоящее время единственным научно разработанным механизмом объединения в цельную картину мира знаний, полученных разными отраслями науки, с использованием различных подходов и о разных предметах – находящихся при этом, конечно, в пределах одного объекта познания, является системный подход. С его помощью и происходит упомянутое

распредмечивание, то есть непосредственное обращение к объекту с суммированием знаний, полученных о разных предметах внутри одного объекта.

Основы системных исследований можно обнаружить в глубокой древности – древние греки рассматривали мир как нечто единое. Однако как междисциплинарное философско-методологическое направление системный подход стал формироваться сравнительно недавно – начиная с середины XX в. В настоящее время существуют два основных направления системного подхода: онтологический, в соответствии с которым признаки системы, системность присущи самим объектам действительности, и эпистемологический, в соответствии с которым системность рассматривается как неотделимый от наблюдателя способ изучения явления, его способность сконструировать предмет исследования как системный [22-23].

Эвристический потенциал этого способа познания довольно велик. В частности, он позволяет выявить такие свойства правовых явлений, которые ускользают от наблюдателя при изучении их исключительно с позиций формально-логического анализа, структурного исследования или тем более с помощью наблюдения или рефлексии, позволяя интегрировать знания, полученные о разных предметах, в пределах одного объекта познания.

Современная системная наука, имеет свое начало в работе О.Богданова (Малиновского) «Тектология» (1910-1920). С тех пор она получила развитие в нескольких десятках научных работ, из которых и выкристаллизовывается системный подход. Это специфическое направление научных исследований, предполагающих рассмотрение явлений как особых композиций – единства множества элемента и связей.

Системный подход предполагает объединение идей целостности, соотношения части и целого, структурности и элементарности объектов, универсальности и всеобщности связей, отношений, развития системных образований. Базовым для системного подхода является понятие системы, под которой подразумевается «множество взаимосвязанных элементов, выступающее как определенная целостность» [24, с. 18].

Для решения задачи интеграции знаний, полученных в различных частях юриспруденции, значение приобретает следующая черта системного подхода, выделенная Э.Юдиным. По его мнению, острая нужда в системном исследовании возникает в тех случаях, когда объект может быть описан несколькими различными путями, и выходное знание должно включать все знания, полученные с применением каждого из способов, но это сделать не удастся вследствие природной разницы взглядов. При системном подходе предлагается изначально строить модель, «обнимающую» собой общую картину всех будущих направлений получения знаний, и отдельные части исследований согласовывать с этой общей моделью [25, с. 131].

В связи с этим объединение знаний, полученных о праве как системе норм в рамках догматического подхода и о правовой деятельности, исследованной с позиций социологии права, должно дать представление о том, как между собой взаимодействуют человек и право с пониманием специфики обеих частей этой взаимосвязи. Как видится, первичными здесь являются социальные связи, правовая деятельность, которая, развиваясь по естественным законам, регулируясь изнутри и извне, меняется (или не меняется) в том числе и с помощью права как регулятора. Системное исследование позволяет увязать право и правовую деятельность, в таком случае на выходе можно получить знание о закономерностях развития правовой деятельности.

К проведению системных исследований предъявляется ряд методологических требований: описание каждого элемента должно сопровождаться уяснением его места и функций в системе, один и тот же элемент должен рассматриваться как обладающий множеством свойств и функций, которые проявляются по-разному в соответствии с местом в иерархии и этапом развития системы. При исследовании систем следует учитывать очень важное их свойство – наличие в них противоположных процессов – в которых и заключена основа для их развития. Об этой непрременной особенности систем писали практически все авторы.

Заметим, что системный подход, согласно которому предлагается рассматривать явление как целостность, несводимую к совокупности

элементов, динамичную, меняющуюся в своем развитии, не тождественную себе самой в разных стадиях, а потому лишь условно расчленяемую на элементы, сосуществует одновременно с иными подходами. Речь идет о аналитическом, структурно-функциональном, и других подобных научных подходах, в основу которых положена идея о более тщательном выявлении всех частей изучаемого явления и выявлении всех функций каждого из элементов, совокупность которых и даст представление о свойствах изучаемого предмета [25, с. 20-24]. По справедливому замечанию Э.Юдина, «... даже в исследовании, которое без всяких оговорок может быть названо системным, системная постановка проблемы обычно находит дальнейшее развитие в опоре на неспецифические... несистемные средства исследования... Системный подход, как, впрочем, и всякое методологическое направление, не выступает и, по-видимому, не может выступать в чистом виде, но всегда дополняется другими методологическими идеями и средствами» [25, с. 140].

В литературе выделяют следующие принципы системного исследования, которые должны обязательно учитываться при проведении научных исследований в цивилистике [24-26]:

- представление о целостности изучаемой системы, которое включает в себя противопоставление системы и окружающей среды, расчленение системы на определенные элементы с собственными функциями и местом в системе;
- между элементами системы имеется связь двух и более типов (например, пространственных, функциональных, генетических);
- система представляет собой упорядоченное (организованное) явление;
- строение системы иерархично, структура системы может иметь различные уровни и иерархии;
- специфическим способом регулирования многоуровневой иерархии является управление;
- при исследовании систем необходимо изучение проблемы цели и целесообразного характера «поведения» системы. При этом отмечается несогласованность локальных целей отдельных подсистем, кооперирование и конфликт этих локальных целей;

- источник преобразования системы находится в самой системе (она самоорганизуется);
- системное исследование должно выявлять соотношение функционирования и развития системы для получения полного знания о ней.

Обратим внимание на очень важную особенность системного подхода, которая, к сожалению, ускользает от ученых-юристов в их попытках применения системного подхода в своих научных изысканиях. Практически все авторы, осуществлявшие разработку этого методологического направления, отмечали, что в принципе в качестве системы можно рассмотреть абсолютно любой объект (в данном случае мы ведем речь об эпистемологическом направлении системного подхода). В общем-то даже само название научной теории «Общая теория систем» (Людвиг фон Берталанфи) включает в себя указание на её всеобщность. В.Артюхов подчеркивает, что системой является любой объект материальной или идеальной действительности. Между первичными (неделимыми) элементами этой системы существуют определенные отношения, которые не могут быть любыми: они ограничены определенными условиями или правилами. Таким образом могут быть выделены абсолютно любые системы и в каждой из них обязательно обнаружатся системообразующие атрибуты [26, с. 13].

Вместе с тем, за отмеченной всеобщностью системного подхода скрывается и его недостаток, являющийся, как справедливо утверждает С.Филиппова, продолжением достоинства [13, с. 56]. Применение системного анализа в научном исследовании должно обосновываться, причем вовсе не наличием системных свойств у явления, которые имеются всегда, а теми функциональными и эвристическими возможностями, которые появляются при рассмотрении явления как системы.

Важным свойством системного подхода является предоставляемая им возможность учета развития системы, в этом, как видится, заключается его основное позитивное начало. В самом общем виде теория систем исходит из существования трех вариантов взаимодействия между элементами системы: стремления элементов к ассоциации, стремления их к диссоциации и

сохранения (неустойчивая форма взаимодействия). Отношения между элементами могут быть непротиворечивыми – выражающимися в согласном либо несогласном, но не противоположном отношении, либо противоречивыми – выражающимися в диссоциации [26, с. 20]. Общий вывод, лежащий в основе системного подхода, звучит так: «Мир устроен так, что в нем наличествуют два типа природных законов – организующие и дезорганизующие материю» [26, с. 30].

Несмотря на очевидный существенный эвристический потенциал системного подхода как методологического направления, все же существуют пределы его использования для изучения правовых явлений. Иногда в научной литературе появляются некоторые скептические оценки возможности его непосредственного применения для решения конкретных научных, в частности юридических задач. Так, например, один из основоположников системного подхода однозначно заметил, что «системный подход представляет собой методологическое направление научного познания..., сам по себе системный подход не решает и не может решать содержательных научных задач» [25, с. 143]. Основными его задачами являются постановка проблемы и оценка результатов применения иных методов. Системный подход не является неким трафаретом (калькой), приложив который на любое явление (исходя из фактически общепризнанного уже универсального характера общей теории систем), можно получить какой-то результат. Он по своим функциональным возможностям представляется лишь способом апробирования, верификации полученных знаний, а также определенным ракурсом исследования, заставляющим ученого искать все новые и новые варианты решений. И вообще, вариативность является одной из наиболее значительных «находок» системного анализа. Именно поэтому, как справедливо указывает С.Филиппова, применение системного подхода возможно только после уже проведенного исследования объекта с помощью других методов для получения комплексного знания [13, с. 57].

Системный подход, приложенный к результатам исследований юридической науки, должен дать на выходе новое знание об изучаемом

правовом явлении, объединяющее в себе и знание о норме права, и знание о человеческой деятельности, к которой такая норма должна быть применена с сохранением при этом общих идей о сущности права и его миссии в жизни. Заметим, что несмотря на повсеместное указание системного подхода как методологии своих исследований во многих работах в сфере юриспруденции, в действительности системных исследований правовых явлений практически не проводится. Это связано с тем, что задача системного подхода реализуется только при определении одного объекта, исследованного с разных сторон (предметов). Как правильно замечает В.Белов, критически оценивая результаты применения системного подхода в юриспруденции, «предметом системного изучения должно быть не право, а нечто иное» [27, с. 167].

В результате интеграции научных знаний с помощью системного анализа полученный результат должен быть осмыслен на философском уровне методологии [28, с. 457]. Основным методом исследования на данной стадии цивилистического исследования является правовая рефлексия – осмысление, осознание сведений о нормах права и фактах правовой действительности.

Правовая рефлексия включает в себя процесс преломления наблюдаемых данных правовой действительности через призму правосознания исследователя и встраивание их в существующую правовую парадигму посредством в том числе интуитивного чувствования сущности наблюдаемого явления правовой действительности.

В правовой рефлексии наиболее ярко проявляется творческое начало научной деятельности, придающее ей характер постоянного поиска новых подходов, выводов, и именно в ней проявляются прогностические возможности юридических исследований в сфере цивилистики.

По хронологии проведения, правовая рефлексия является завершающим этапом мыслительной деятельности ученого, обнимающим собой все факты, полученные в ходе наблюдения и герменевтического анализа юридических текстов, выявления закономерностей развития изучаемых явлений правовой действительности в рамках системного подхода и правового моделирования.

Осмысление полученных данных, соотнесение их с собственными знаниями и убеждениями ученого и представляет собой правовую рефлексю.

Правовая рефлексия является разновидностью научной рефлексии, в ходе которой знания о фактах, полученные с применением иных методов, должны быть обобщены и собраны в единую концепцию. При вербализации результатов правовой рефлексии знание должно быть максимально очищено от неявного, допущений, предположений, и пр., что при описанных свойствах правовой рефлексии оказывается в большой степени затруднительным. Сама рефлексия, являясь актом исключительно субъективным, привносит в знание собственные допущения, идеализации и абстрагирование от определенных свойств изучаемого явления. Полученный в первую очередь интуитивно вывод, должен последовательно быть освобожден от большей части своей основы. Допущения, априорные знания должны быть осознаны исследователем и проверены (доказаны).

В эпистемологии сложилось два основных подхода к деятельности ученого. Согласно первому из них – научный результат деятельности ученого складывается из суммы знаний, полученных предшественниками, являясь её итогом. Согласно второму подходу ученый-исследователь – это исключительный человек, обладающий специфическими личностными качествами, наделенный интуицией, способный иначе смотреть на мир. В юридической науке в настоящее время сложилось довольно твердое предубеждение против интуиции как способа получения нового знания. Общая тенденция сводится к тому, что правильная организация процесса изучения правовой действительности неизбежно должна приводить к получению истинного нового знания о ней. При этом личные качества, и тем более, интуиция ученого-правоведа не принимается во внимание.

В связи с этим отметим, что в современных условиях все больше ученых и философов признают фундаментальную роль интуитивных суждений наравне с логикой. Это обстоятельство связывается, в частности, с развитием компьютеризации науки, в которой большую часть логических операций может выполнять машина. Освобожденная же от рутины логики наука «в остатке»

имеет именно эту креативность, основанную на интуиции [29, с. 78], и в этой части человека на сегодня заменить нечем.

Все большее распространение получают методики кооперативного мышления с распределением технических – формально обоснованных логических приемов и креативных – эвристических, соответственно, между компьютером и человеком. В такой ситуации стремление выработать формально-логический аппарат юридической науки, максимально исключая личность ученого-юриста из процесса познания, превращающий его в машину, представляется несколько несвоевременным. Объективное исследование цифр и анализ статистики может сделать и компьютер, но увидеть смысл за этими цифрами может лишь человек.

Подводя итоги исследования структурных и методологических особенностей исследования проблем цивилистики, следует отметить, что проведение научных исследований гражданско-правовых отношений между субъектами, находящимися в состоянии равенства и автономии воли, должно включать в себя три уровня познания. Первый уровень (догматический) – это исследование норм позитивного права, содержащихся в гражданском законодательстве, правовых обычаях, и других источниках права, а также договорах, уставах, регламентах и иных внутренних документах юридического лица с помощью методов правовой герменевтики с учетом актуальных потребностей в регулировании и воли, выраженной в правовой норме. Второй уровень (социологический) – это исследование динамики правовой связи самих субъектов, взаимодействующих между собой на основании диалектически связанных в единство противоположных сил сотрудничества и конфликта, с помощью методов наблюдения, опроса, интервьюирования. Третий уровень (философский) – исследование наиболее общих целей регулирования данных отношений, исходя из аксиологических особенностей сферы действия механизма гражданско-правового регулирования.

Результаты исследований трех уровней познания объединяются с помощью системного анализа и далее осмысливаются с помощью правовой рефлексии.

На каждом уровне научного исследования имеются объективные и субъективные факторы, влияющие на результат, к последним относятся неявные знания, основанные на системе установок и ценностей, образовании, приверженности к определенной научной школе, правосознании, правовой культуре, воспитании, образовании ученого и иных факторах. Вследствие этого возможно существование множество альтернативных равно обоснованных объяснений явлений в сфере гражданского права, соответственно – множество различных вариантов рекомендаций по совершенствованию законодательства, правоприменительной практики и правореализационной деятельности.

Расширение границ использования в цивилистике нового эвристического инструментария, предназначение которого обуславливается философскими и естественными трактовками сущностных и системно-структурных свойств сферы гражданско-правового регулирования, позволяет раскрыть неограниченный потенциал каждого исследуемого феномена в органическом сочетании как его статических, так и, главное, динамических характеристик.

Таким образом, методология цивилистического исследования является продуктом перехода с абстрактно-гносеологического уровня, который выступает «рабочей площадкой» для методологии теоретико-правового анализа, на уровень познания конкретного, с учетом апробированной в цивилистике отраслевой специфики исследования соответствующих явлений. В силу особенностей действия и применения норм гражданского права и вненормативных регуляторов личных неимущественных и имущественных отношений, цивилистическая методология движется в сторону инструментализации как материальных, так и процессуальных аспектов всестороннего познания объекта научного исследования. Кроме этого, для современной цивилистической методологии характерна тенденция к консолидации и установлению устойчивой корреляционной связи между этими аспектами с целью всестороннего познания конкретного явления гражданско-правовой действительности и продуктивной практической апробации полученных теоретических результатов в виде обоснованных рекомендаций по

дальнейшему совершенствованию предписаний действующих правовых актов Украины.

Анализ проблем гражданско-правовой науки с учетом новейших методологических подходов, ее пространственно-временных характеристик, диалектического развития, категориально-понятийного аппарата, общей систематики может существенно пополнить «копилку» фундаментальных наукоемких цивилистических исследований. Кроме того, расширение границ применения в цивилистике апробированного в других отраслевых науках современного методологического инструментария поможет вывести наши представления о сущности сферы гражданско-правового регулирования на новый, более высокий уровень, что даст мощный теоретический и методологический эффект, объединяя на единых принципах правопонимания гражданско-правовую науку, законодательство и юридическую практику.

Литература

1. Методологія сучасних досліджень в політиці, економіці та соціальній сфері: Матеріали Першої міжнародної науково-практичної конференції, 12 квітня 2011 р., м. Донецьк, Донец. ін-т Міжрегіон. акад. упр. персоналом [та ін.]. – Донецьк: Норд-Прес, 2011. – 472 с.
2. *Остапчук М.В.* Методологія та організація наукових досліджень: підручник / М.В.Остапчук, А.І.Рибак, О.С.Ванюшкін. – Одеса: Фенікс, 2014. – 375 с.
3. *Малигіна В.Д.* Методологія наукових досліджень: монографія / В.Д.Малигіна, О.Ю.Холодова, Л.М.Акімова. – Рівне: НУВГП, 2016. – 247 с.
4. *Сырых В.М.* Неоплатные долги позитивистской доктрины права / В.М.Сырых // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. – Т.1. / Под ред. М.В.Антонова, И.Л. Честнова. – СПб., 2014. – С. 127-144
5. *Шершеневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России / Г.Ф.Шершеневич. – М.: Консультант Плюс: Статут, 2003. – 247 с.
6. *Аскназий С.И.* Основные вопросы теории социалистического гражданского права / С.И.Аскназий. – М.: Статут, 2008. – 856 с.
7. *Красавчиков О.А.* Советская наука гражданского права. Понятие, предмет, состав и система / О.А. Красавчиков. – Свердловск: Б.и., 1961. – 380 с.
8. *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание / В.Г.Кузнецов. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 191 с.

9. *Юркевич О.М.* Герменевтика культурної форми розуміння: автореф. дис. д-ра філос. наук: 09.00.01 / О.М.Юркевич. – Х., 2005. – 40 с.
10. *Попова Н.В.* Герменевтичні практики і проблема їх філософського осмислення: автореф. дис... канд. філос. наук: 09.00.04 / Н.В.Попова. – Х., 2001. – 20 с.
11. *Блуд О.О.* Мова як трансценденція: автореф. дис... канд. філос. наук: 09.00.01 / О.О.Блуд. – К., 2007. – 18 с.
12. *Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного / Г.Г.Гадамер [пер. с англ.; послесл. В.С.Малахова; коммент. В.С.Малахова, В.В.Бибикина]. – М.: Искусство, 1991. – 366 с.
13. *Филиппова С.Ю.* Инструментальная методология цивилистического исследования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / С.Ю.Филиппова. – М., 2016. – 481 с.
14. *Гадамер Г.Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / Г.Г.Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н.Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
15. *Дубовицкая Е.А.* Европейское корпоративное право / Елена Дубовицкая. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 261 с.
16. *Шапп Я.* Система германского гражданского права: учебник / Ян Шапп; [пер. с нем. С.В.Королева]. – М.: Международные отношения, 2006. – 357 с.
17. *Ширвиндт А.М.* Европейское договорное право: единство в многообразии (рецензия на книгу Хайна Кётца «Europaisches Vertragsrecht» / А.М.Ширвиндт // Вестник гражданского права. – 2015. – № 4. – С. 214-217.
18. *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии: пер. с англ. / М.Полани; общ. ред. В.А.Лекторского, В.И.Аршинова; предисл. В.А.Лекторского. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
19. *Пугинский Б.И.* Методологические вопросы правоведения / Б.И.Пугинский // Правоведение. – 2010. – № 1. – С. 6-19.
20. *Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания: опыт логико-гносеологического исследования / П.В.Копнин. – М.: Наука, 1973. – 323 с.
21. *Матюхин А.А.* Государство в сфере права: институциональный подход / А.А. Матюхин. – Алматы: Эдилет, 2000. – 596 с.
22. *Микешина Л.А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие / Л.А.Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
23. *Бирта Г.О.* Методологія і організація наукових досліджень: навчальний посібник / Г.О.Бирта, Ю.Г.Бургу. – К.: Центр учбової літератури, 2014. – 142 с.
24. *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем / В.Н.Садовский. – М.: Наука, 1974. – 280 с.
25. *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности / Э.Г.Юдин. – М.: Наука, 1978. – 391 с.

26. *Артюхов В.В.* Общая теория систем: Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы / В.В.Артюхов. – М.: Книжный дом «ЛИБРАКОМ», 2009. – 224 с.
27. *Белов В.А.* Наука гражданского права как система / В.А.Белов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А.Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 161-197.
28. *Данильян О. Г.* Методи правового дослідження / О. Г. Данильян, О. П. Дзьобань // Велика українська юридична енциклопедія : у 20 т. – Х. : Право, 2017. – Т. 2 : Філософія права / редкол. : С. І. Максимов (голова) та ін. – С. 456-459.
29. *Ельчанинов В.А.* Логика и методология научного исследования: монография / В.А.Ельчанинов. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – 147 с.